

Конечский Виктор
(красот и нервы)

23. 7. 02

• КНИГИ НЕДЕЛИ

Дмитрий Лихачев и Виктор Конечский. Антиподы

Издательство «Logos» выпустило альбом «Дмитрий Лихачев и его эпоха», а Русско-балтийский информационный центр — сборник «Эхо» о Викторе Конечском. Две книги о двух очень разных жителях северной столицы — два взгляда на эпоху и штрихи к ее портрету. Издания — антиподы во всем: от внешнего вида до внутренней архитектоники, что вполне логично, ибо антиподами были их герои.

Великолепно изданный альбом «Дмитрий Лихачев и его эпоха» наполовину состоит из фотографий, наполовину — из воспоминаний современников. В списке авторов в основном знакомые и знакомые имена. Случайных людей здесь нет, как нет и случайных оценок. Тональность большинства из них столь панегирическая, что порой теряется грань между канонизацией и уважением, между несуетностью и модой. Спасительную роль сыграли очень живые фото разных лет: из домашних фотоальбомов и архива Пушкинского Дома, где Дмитрий Сергеевич проработал многие десятилетия. О нем рассказывают друг другу сотрудники ИРЛИ, его шутки и афоризмы цитируют за обеденным чаем, безукоризненная пунктуальность академика, «по которой даже вахтеры проверяли часы», — правдивая легенда. Но такого рода будничные воспоминания сотрудников отдела древнерусской литературы, аспирантов ИРЛИ в книгу, увы, не вошли, хоть нередко интереснее опубликованных.

Соответствуют заданной названию книги масштабности несколько эссе, среди которых пронизанные болью и теплом строки внучки и дочери Дмитрия Сергеевича, записки других вдумчивых собеседников, эпоху Лихачева формировавших. Профессор Женевского университета, известный славист Жорж Нива: «Позицию академика Лихачева понять надо в контексте жесточайшей эпохи... Это были подкопные работы под крепость идеологии бдительности и жестокости. Любимая идея Дмитрия Сергеевича — экология культуры — собственно, сводится к проблеме, как исцелить Россию. Поистине он был новый Карамзин... Лихачев выработал для себя и своих современников метод духовного сопротивления». Александр Панченко, чей кабинет, нынче тоже мемориальный, в Пушкинском Доме был рядом с лихачевским: «В 16 лет я поступил в университет. Однажды Дмитрий Сергеевич пригласил меня к себе и предложил сделать доклад в секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Прощаясь, Лихачев подал мне пальто — мне, шенку 16 лет! Я очень растерялся: «Что вы! Что вы!» А он мне потом объяснял, что старший всегда должен подавать младшему пальто...»

Книга «Эхо», посвященная Виктору Конечскому, по объективным причинам не ставит задачу описания эпохи: это только штрихи к ее портрету. Эти штрихи — письма. Подзаголовок так и звучит: «Вокруг и около писем читателей». Тот круг довольно широк — от Александра Солженицына до простых собеседников, прячущих имена под инициалами. А сам герой оказывается соавтором своих корреспондентов даже тогда, когда оппонирует им — иногда с хорошо известной по морским рассказам ироничной брутальностью, а порой с академической утонченностью. Тем увлекательнее читать.

Глава «Из зазеркалья» — о женском одиночестве: «Количество женского одиночества, включая замужних, в России за пределами и никем не считано». А глава «Капитаны» полна серьезных и смешных историй от братьев Конечского по морскому призванию. Но главное в книге — переписка с Солженицыным. Когда-то Конечский, член ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР, направил съезду писателей открытое письмо, разделив тревогу Солженицына по поводу произвола цензуры. Был бит, но и сам «кулаков не прятал». И всю жизнь мировоззренчески спорил с «вермонтским мудрецом».

«Хотел бы отвратить Вас от морской темы, хотя я здесь очень сухопутно объективен, — наставлял Конечского Солженицын. — Во-первых, я ощущаю Россию как страну сухопутную, даже не приморскую — только приречную и приозерную. Но больше того: десятилетиями в нашей литературе тема морская, полярная и авиационная были красочным амплуа для писателей, не желающих показывать общественную жизнь. Эту же роль полярно-морская тема играет и в Вашей книге сейчас, хотя Вы, конечно, шли в нее по истинной любви». На идейно-географические сентенции Солженицына Конечский реагирует бурно: «Я хотел было обрушить на Вашу «сухопутность» и «приозерность» всех, никак не ближе вешего Олега... И все для того, чтобы доказать, что России одинаково нужны сейчас люди, ощущающие ее землей приозерной, и люди, ощущающие ее землей океанской. Почему-то всю нашу историю люди таких разных ощущений России... рвали друг друга в клочья, каждый правдами и неправдами хотел перекрестить всех под свой лад... Все сидят по углам, потому что перессорились из-за своего у каждого ощущения России».

Книга «Эхо» получила премию «Северная Пальмира» — это первая книга Конечского, отмеченная официальным признанием. И формула «лучше поздно, чем никогда» в данном случае никак не утешает.

Юлия КАНТОР

известия - 2002 - 23 июля - с. 8

15